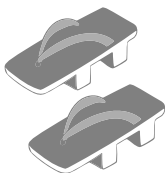

> МАГИСТРАЛЪ >

НАЦУМЭ СОСЭКИ

Мальчуган

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
С66

夏目漱石
坊っちゃん

Перевод с японского *Раисы Карлиной*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Сосэки, Нацумэ.

С66 Мальчуган / Нацумэ Сосэки ; [перевод с японского Р. Карлиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 192 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-204714-5

«Мальчуган» — одна из ранних повестей знаменитого японского писателя Нацумэ Сосэки, которая принесла ему популярность и сделала его имя известным в литературных кругах Японии.

Юноша-максималист, личность которого только формируется, смотрит на взрослый, живущий по своим законам мир. В силу возраста и характера мальчуган прямолинеен и открыт новому, однако окружающие и взрослые видят его недалёковидным, а порой глуповатым.

Герой живёт в непростое время: эпоха Мейдзи — период стремительных перемен, когда появляются новые взгляды и идеи, и на фоне этого молодому человеку приходится определять для себя, что правильно, а что нет и каким идеалам стоит следовать.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-204714-5

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор повести «Мальчуган» Нацумэ Сосэки (настоящее имя писателя — Кинноскэ, Сосэки — это псевдоним), крупнейший представитель японского критического реализма, родился в 1867 году в Токио, в обедневшей дворянской семье.

Буржуазный переворот 1868 года, известный под названием революции Мэйдзи, в числе прочих задач поставил перед японской буржуазией вопрос о национальных кадрах новой интеллигенции, необходимых для страны, вступившей на путь бурного капиталистического развития. Изменившиеся в связи с этим условия и система образования в значительной мере объясняют путь формирования и круг интересов будущего писателя: Нацумэ Сосэки после окончания школы поступил на отделение английского языка и литературы европеизированного к тому времени Токийского университета.

Окончив в 1893 году университет, Нацумэ работает преподавателем английского языка вначале в учительском институте и университете «Васэда» в Токио, а затем по собственной инициативе переходит на работу в среднюю школу небольшого городка на острове Си-

коку, вдали от центра политической и культурной жизни страны. Здесь он близко соприкасается с косной в то время провинциальной учительской средой, и многое из того, о чем рассказывается в повести «Мальчуган», стало хорошо знакомо писателю по собственному опыту. Затем Министерство просвещения командует Нацумэ для пополнения знаний в Англию, где он проводит три года. По возвращении на родину Нацумэ ведет курс английской литературы в Токийском университете.

Печататься Нацумэ начал поздно. Ему было уже около сорока лет, когда в 1905 году появилось его первое произведение — большой сатирический роман «Ваш покорный слуга кот». Роман сразу же обратил на себя внимание литературных и читательских кругов и принес автору славу. В 1907 году Нацумэ отказался от преподавания и от намечавшейся карьеры ученого и целиком перешел на литературную работу.

За недолгие годы своей писательской деятельности (он умер в 1916 году) Нацумэ создал большое количество произведений, причем самых разнообразных по жанру. Он писал стихи и романы, критические статьи и повести, рассказы. Кроме того, ему принадлежат многочисленные заметки по различным вопросам японской и английской литературы, воспоминания о литературных друзьях и современниках, а также переводы, в частности переводы произведений японской литературы на английский язык. Полное собрание его сочинений составляет двадцать томов.

Советскому читателю Нацумэ Сосэки знаком по роману «Сердце».

Мир, который изображает писатель, — это главным образом японская интеллигенция, ее судьба, положение в обществе, ее интересы, быт и нравы. Чаще всего вни-

мание Нацумэ привлекают писательские и учительские круги, с которыми непосредственно был связан сам автор.

Повесть «Мальчуган», появившаяся в печати в 1907 году, была одобрительно встречена критикой и читателями. В своих воспоминаниях Нацумэ, между прочим, замечает, что его не раз спрашивали о персонажах этого произведения и об их дальнейшей участи, полагая, что каждый из них — реально существовавшее лицо. Действие повести происходит в первые годы после Русско-японской войны.

«Мальчуган», повесть незамысловатая по своей фабуле, рассказывает историю прямого, бесхитростного юноши, который с открытой душой идет навстречу жизни, не подозревая, что в окружающей его действительности честность и благородство расцениваются лишь как недалёковидность, а то и просто глупость.

После смерти родителей, окончив училище естественных наук, «мальчуган» отправляется в глухую провинцию в качестве учителя математики средней школы. Здесь он сталкивается с жизнью во всей ее неприглядности. Его идеалы, вера в справедливость, наконец, его прямота и бескорыстие кажутся дикими и нелепыми людям, с которыми ему приходится общаться. Доверчивый и наивный, он не может ужиться в этой враждебной ему среде, где господствуют интриги, подхалимство, ложь и корысть. И после ряда неудач, не проработав в школе и года, он возвращается в Токио. Не раз задумывается «мальчуган» над дальнейшей судьбой школьников, воспитание которых отдано в руки людей столь низкого морального уровня. Он понимает, что такие «воспитатели», разумеется, не могут привить своим ученикам ни стремления к знаниям, ни уважения к обществу, ни про-

сто элементарной порядочности. Эта мысль не случайна у Нацумэ. Он неоднократно возвращается в своих более поздних произведениях к вопросу о воспитании молодого поколения, о задачах литературы в этой области, о правильном выборе книг для юношеского чтения.

Надо указать, что «Мальчуган» в какой-то мере автобиографическая повесть. Об этом говорят некоторые биографы Нацумэ, да и сам автор в воспоминаниях приводит отдельные эпизоды из собственного детства и юности, позднее воспроизведенные им в «Мальчугане».

Повествование ведется не от имени автора — характер «мальчугана», его внутренний облик раскрывается перед читателем через поступки героя, в его столкновениях с врагами, в его отношении к друзьям, в теплых воспоминаниях о вырастившей его няньке; оценка окружающего мира и общественных условий также дается через восприятия «мальчугана».

Каждое действующее лицо повести имеет свою индивидуальность, каждому свойственна своя манера говорить и действовать. Как живые выступают перед нами и сам «мальчуган», и директор школы «Барсук», для которого самое важное — собственное благополучие и внешнее соблюдение приличий, и «Красная рубашка» — человек, способный на любую подлость, развратник, маскирующий красивыми фразами свои неблагоприятные поступки, и подхалим, трус и сплетник Нода, и тихий, беззащитный «Тыква», которому так сочувствует «мальчуган», и другие.

Все симпатии автора на стороне «мальчугана» и его друзей. Врагов «мальчугана» Нацумэ рисует достаточно непривлекательными красками.

Положительный герой не одинок. Самодурам, карьеристам, завистникам и подхалимам противопоставлены в повести не только сам «мальчуган», но и старая служанка Киё — человек большого душевного благородства, и учитель «Тыква», честный и порядочный, но робкий и неспособный к сопротивлению, и учитель «Дикобраз» — товарищ «мальчугана», близкий ему по духу.

Вдвоем с «Дикобразом» «мальчуган» борется за справедливость. Но борьба эта кончается неудачей, и оба вынуждены оставить школу. Все положительные герои повести терпят крах: Киё умирает, «Дикобраз» и «мальчуган» хотя и учиняют расправу над двумя своими врагами, но это только случайная победа, и обоим друзьям приходится бежать из города, где они работали. Причина зла не в отдельных плохих людях, она коренится глубже — в общественных условиях, с которыми одиночкам бороться не под силу.

«Мальчуган» — это не просто повесть, описывающая быт и нравы уездного учительства, это сатирическое произведение, обличающее общественные пороки.

Сатирические приемы изображения типов и социальных явлений характерны для творчества Нацумэ. Правда, это не всегда остро бичующая сатира. Чаще это ирония. Ирония умного, очень наблюдательного и очень насмешливого человека. Но в некоторых своих произведениях, в том числе и в повести «Мальчуган», Нацумэ поднимается до уровня подлинной сатиры.

В «Мальчугане» заслуживают внимания также те места повести, где проявляется отрицательное отношение автора к официальной печати (эпизод с газетным сообщением), к чиновничеству (которое в повести олицетворяет директор школы) и к парадной шумихе по слу-

Нацумэ Сосэки

чаю ежегодного празднования победы Японии в Русско-японской войне.

Японский народ знает и любит Нацумэ Сосэки. Его произведения пользуются широкой известностью. Реалистическое изображение жизни и сатирическое обличение общественных пороков, гуманизм, с которым Нацумэ рисует простого среднего человека своего времени,— все это объясняет нам популярность его произведений. И вполне закономерно, что журнал «Дзэн'эй» — орган Коммунистической партии Японии — в редакционной статье «О борьбе в области культуры и задачах КПЯ по созданию единого культурного фронта» назвал имя Нацумэ Сосэки в числе выдающихся деятелей национальной японской культуры, юбилей которых японская компартия предлагает отмечать как дату, имеющую мировое значение.

На русский язык повесть «Мальчуган» переведена впервые.

Р. Карлина

ГЛАВА 1

С самого детства я был отчаянным сорванцом и поэтому вечно попадал в какие-нибудь истории. Однажды, еще в начальной школе, я прыгнул со второго этажа школьного здания и с неделю потом не мог разогнуть спину. Может быть, спросят, почему я выкинул такую штуку? Особенных причин не было. Просто я высунулся из окна второго этажа, а один из моих одноклассников увидел меня и нарочно стал дразнить:

— Э-э-э, задаешься, а прыгнуть-то, небось, боишься! Эх ты, трус!

Я взял да и прыгнул.

Когда я прибыл домой на спине школьного служителя, отец широко раскрыл глаза.

— И какой это дурак прыгает со второго этажа? Ведь ты шею себе сломаешь! — возмутился он.

— Ничего, в следующий раз прыгну лучше, — ответил я.

Один из родственников подарил мне заграничный перочинный ножик, и я показывал этот ножик товарищам, поворачивая его красивое лезвие на солнце. Вдруг кто-то из них сказал:

— Блестеть-то блестит, да, поди-ка, не режет?

— Как это не режет? Что угодно разрежет! — поручился я.

— Ах так! А ну-ка разрежь свой палец, — предложил тот.

— Что, палец?

И я вот так, наискось, резанул по пальцу правой руки. Счастье, что нож был маленький и кость оказалась крепкой, а то быть бы мне без большого пальца. Правда, шрам остался на всю жизнь.

У нас во дворе был небольшой огород, в самой его середине, в двадцати шагах от дома, росло каштановое дерево. Это дерево было для меня дороже жизни. Когда каштаны поспевали, я, как только просыпался, выскальзывал из дома черным ходом и бежал подбирать паданцы, а потом грыз их в школе. Одной стороной наш огород примыкал ко двору закладной лавки Ямасироа. У владельца этой лавки был сын Кантаро, лет тринадцати. Кантаро, разумеется, был трус, но у него все же хватало смелости лазить через бамбуковый плетень и таскать каштаны. Как-то вечером я спрятался за калиткой и поймал вора. Убедившись, что бежать некуда, Кантаро отчаянно набросился на меня. Противник был старше меня года на два. Он был труслив, но силен. Улучив момент, Кантаро хотел было боднуть меня в грудь, но промахнулся, и его плоская голова, скользя, угодила в рукав моего авасэ¹. Стараясь освободиться, я стал как попало трясти рукой, а голова Кантаро моталась в моем рукаве из стороны в сторону. Кончилось тем, что вконец замученный Кантаро вцепился зубами в мою руку. Это было очень больно,

---

¹ А в а с э — подобие халата на подкладке, без ваты.

и я, прижав Кантаро к плетню, дал ему подножку. Участок Ямасироя располагался метра на полтора ниже нашего огорода, и Кантаро, ломая плетень, вверх тор-машками полетел вниз и с хриплым криком брякнулся у себя на дворе. Падая, он оторвал напрочь мой рукав, и рука сразу освободилась.

Когда мать в тот же вечер ходила к Ямасироя извиняться, она заодно принесла обратно и мой рукав.

Много было и других проделок. Однажды мы с сыном плотника Канэко и Каку — мальчишкой из заку-сочной — перепортили участок, засеянный морковью. Там, где морковь еще не взошла, земля сверху была прикрыта соломой, а уж после того, как трое ребят на этой соломе полдня возились и боролись, ясно, что от грядки моркови ничего не осталось. А то еще помню, как мне попало за то, что я замусорил колодец на рисо-вом поле У Фурукава. Колодец был устроен так, что через отвод, сделанный из колена толстого бамбука, вода из глубины била ключом и растекалась по полю. Что это за устройство, я в то время не знал, а потому набросал в колодец камней, палок и щепок и, удосто-верившись, что вода перестала идти, вернулся домой и сел обедать. Но тут, громко бранясь, явился побагро-вевший Фурукава.

Кажется, дело обошлось возмещением убытков.

Отец совсем меня не любил. Мать питала привязанность только к моему старшему брату. У брата было белое лицо, и ему нравилось играть женские роли, под-ражая актерам. Отец каждый раз, когда видел меня, го-ворил: «Из тебя-то уж во всяком случае ничего путного не выйдет». Ему вторила мать: «Все только хулиганит да хулиганит. Беспокоит меня его будущее». И в самом деле, как видите, ничего путного из меня не вышло.

Беспокойство за мое будущее тоже не лишено было оснований. Правда, вот на каторгу я не угодил, потому и жив остался.

Мать болела, а за два-три дня до ее смерти я кувыр-кался на кухне и зашиб себе ребро об угол печки, мне было ужасно больно. Мать очень рассердилась: «Чтоб глаза мои тебя не видели!» — сказала она. Ну что ж, я взял да и ушел к родственникам. А тут вскоре сообщили, что мать умерла. Я совсем не ожидал, что она так скоро умрет. «Надо бы мне быть немножко послушнее, раз у нее была такая серьезная болезнь», — думал я, вернувшись домой. А мой братец сказал, что всему виной моя непочтительность к родителям и что это из-за меня матушка так скоро скончалась. С досады я дал брату по морде, и за это мне здорово влетело.

После смерти матери мы жили втроем: отец, старший брат и я. Отец мой был человек, который сам ничего не делал, но стоило ему только посмотреть на кого-нибудь, как он говорил: «Эх, негодный ты, негодный!» Манера, что ли, у него такая была? Отчего негодный, почему негодный — до сих пор не понимаю. Станный у меня был отец.

Брат объявил, что намерен стать коммерсантом, и усердно зубрил английские слова. Он был хитрый, и характер у него был как у женщины, поэтому мы с ним плохо ладили. Хоть раз в неделю, но мы обязательно ссорились. Однажды за игрой в шахматы он смошенничал и открыто злорадствовал, что я попал впросак. Я сильно вспылил и швырнул ему прямо между глаз ладью, которая была у меня в руке. Из ссадины на переносице чуть-чуть выступила кровь. Брат наябедничал отцу. Отец объявил, что лишает меня наследства. Тут уж ничего не поделаешь, придется оста-

ваться без наследства, решил я. Но наша служанка Киё, которая проработала у нас лет десять, со слезами стала просить за меня отца, и гнев его постепенно прошел. Я все-таки не очень испугался отца, — скорее мне было жалко нашу служанку Киё. Говорили, что она была из хорошей семьи, род ее давно пришел в упадок, и в конце концов дошло до того, что ей пришлось пойти в прислуги. У нас ее звали бабушкой. Не знаю почему, но эта бабушка очень меня любила. Удивительное дело! Матери я опротивел перед самой ее смертью, отец вообще не знал, что со мной делать, во всем околотке от меня сторонились как от испорченного мальчишки и хулигана, — а она во мне души не чаяла. Я уж примирился с мыслью о том, что у меня нет способности располагать к себе людей. «Поэтому-то и относятся ко мне как к деревянной чурке», — думал я. Все это было привычно. И тем более мне казалась странной постоянная забота Киё обо мне. Иногда на кухне мы оставались вдвоем, и Киё принималась расхваливать меня: «Ты честный, прямой, у тебя хорошая душа», — говорила она. Но я не понимал смысла ее слов. Будь у меня хорошая душа, думал я, тогда не только Киё, но и другие тоже немножко получше бы ко мне относились. И я всегда отвечал ей:

— Терпеть не могу, когда ко мне подлизываются!

— Вот поэтому-то я и говорю, что у тебя хорошая душа, — не унималась бабушка, с радостью поглядывая на меня. Казалось, она гордится мною, как своим собственным изделием. Мне это было не совсем приятно.

После смерти матери Киё привязалась ко мне еще сильнее. Иной раз в мое ребячье сердце закрадывалось сомнение: за что она так любит меня? «Ерунда все это! Уж лучше бы оставила в покое. Жалеет, что ли?» — ду-

мал я. Но Киё все-таки действительно любила меня. Не раз на свои деньги она покупала мне разные сласти и печенье. В холодные вечера она тихонько приносила и ставила у изголовья моей постели горячую похлебку из припасенной потихоньку гречневой муки. Случалось, что она даже покупала мне жареную лапшу. Но дело не ограничивалось только съестным. Я получал от нее башмаки и носки, и карандаши, и тетрадки. А впоследствии Киё как-то даже одолжила мне три иены. И не потому, что я попросил взаймы, — нет. Она сама принесла эти деньги ко мне в комнату и сказала: «Трудно, наверное, без денег-то? На-ка, возьми себе на расходы». Я, конечно, сказал: «Не нужно». Но она настаивала на своем, и я наконец согласился взять их в долг. По совести говоря, эти деньги очень обрадовали меня. Я положил три иены в кошелек и сунул его за пазуху, а потом, когда пошел в уборную, нечаянно уронил в яму. Что тут было делать! Спотыкаясь, я вышел из уборной и чистосердечно — так, мол, и так — рассказал все Киё. Бабушка немедленно отыскала бамбуковую палку и сказала: «Достану!» Вскоре послышался плеск воды у колодца. Я вышел посмотреть — и увидел, что Киё, подцепив на конец палки завязки кошелька, обмывала его водой. Потом она открыла кошелек и вытащила оттуда одну неновую бумажку; бумажка стала бурого цвета, знаки на ней расплылись. Киё подсушила деньги у хибати¹ и протянула мне:

- Ну, теперь, пожалуй, ладно будет.
- Кажется, маленько припахивает, — сказал я.
- Тогда давай схожу обменяю.

---

¹ Х и б а т и — жаровня в виде круглого или четырехугольного глиняного сосуда.

Не знаю, как она это сделала — сплутовала, что ли,— только принесла мне вместо бумажных денег на три иены серебра. Забыл, на что я истратил эти три иены. Я обещал ей вернуть долг, но так и не вернул. А теперь хотел бы отдать в десять раз больше, да поздно!

Киё дарила мне что-нибудь только тогда, когда ни отца, ни брата при этом не было. Но что может быть противнее, чем тайком от других получать только для себя? Конечно, с братом мы не ладили, но все же мне не хотелось, чтобы Киё давала мне сласти и цветные карандаши потихоньку от него.

— Почему ты даешь одному мне, а брату нет? — спросил я как-то Киё.

Киё сухо ответила:

— Да потому, что брату отец покупает.

Это было несправедливо. Верно, отец был человек своенравный, но все же он не был так несправедлив. Однако в глазах Киё все выглядело иначе,— она само-забвенно любила меня. Ну что можно было поделаться с невежественной старухой, хотя в прошлом ее семья и имела какое-то общественное положение. Этим дело не ограничивалось. Пристрастный глаз — страшная вещь! Киё твердо верила, что в будущем я непременно добьюсь успеха, сделаю блестящую карьеру и буду жить припеваючи. Зато у моего прилежного братца только и есть, что белое лицо, а ни к чему он не пригоден. Так она решила сама раз и навсегда. Перечить ей было бесполезно. Киё была уверена, что те, кого она любит, непременно станут выдающимися людьми, а кого не любит — тех обязательно постигнет неудача. У меня и мысли не было, что я могу стать чем-то особенным. Но Киё все твердила: «Станешь, станешь», и я уж невольно начал подумывать: «А может быть, и в самом

деле из меня что-нибудь выйдет?» Вспомнишь теперь — экая глупость! Раз я попробовал спросить Киё, кем я буду. Но, по-видимому, у нее тоже не было отчетливого представления на этот счет. Она только сказала: «Ясно, что ты выстроишь себе дом с роскошным подъездом и будешь разъезжать на рикше». С этих пор Киё стала беспокоиться о том, чтобы нам с ней жить вместе, когда у меня будет свой дом и я стану самостоятельным человеком.

— Уж ты, пожалуйста, оставь меня у себя, — не раз просила она.

И я, как будто и в самом деле являюсь хозяином дома, отвечал:

— Гм? оставить? Ну ладно, оставайся.

Но у этой женщины была очень пылкая фантазия.

— Тебе где больше нравится, в Кодзимати или в Адзабу¹? Устрой в саду качели. И пусть в доме будет одна европейская комната². Одной хватит.

Так она сама, без моего участия, строила всякие планы. Какой там дом! Ни к чему мне все это было. Мне совсем не нужен был ни европейский, ни японский дом. И каждый раз я отвечал Киё:

— Да зачем это мне?

— Сердце у тебя чистое, вот потому ты и не жадный, — опять хвалила меня Киё. И что бы я ни говорил, в ответ я слышал одни похвалы.

Так мы прожили лет пять-шесть после смерти матери. Отец меня ругал, с братом я ссорился. Киё прино-

---

¹ Кодзимати и Адзабу — названия кварталов в Токио.

² То есть с дощатым полом и обставленная европейской мебелью.

сила мне сласти да по временам хвалила. Особых желаний у меня и не было, — я считал, что хватает и того, что есть. «У других ребят, наверно, то же самое», — думал я. И когда Киё по какому-нибудь поводу неосторожно говорила: «Бедный ты, несчастный!» — я задумывался: почему это я бедный и почему несчастный? А больше ничего не тревожило меня. Только мне было трудновато без денег на карманные расходы, а отец мне их не давал.

На шестой год после смерти матери, в январе, от удара скончался отец. В этом же году в апреле я кончил частную среднюю школу, а в июне окончил коммерческое училище мой брат. Он должен был уехать на Кюсю, где ему предложили место в отделении какой-то торговой фирмы. Мне же нужно было еще учиться в Токио. Брат заявил:

— Продам дом, разделаюсь с имуществом и затем поеду.

— Как хочешь, так и делай, — отвечал я.

Во всяком случае, я не думал жить на иждивении брата. При первой же ссоре он непременно попрекнул бы меня этим, и пришлось бы из-за каких-то подачек сносить все от этого братца. «Нет уж, — решил я, — найду чем прокормиться и без него, — наймусь хоть молоко по домам разносить».

Брат вызвал торговца подержанными вещами и сбыл за бесценок весь унаследованный хлам, оставшийся от предков. Дом с участком через какого-то человека продали одному богачу. Все вместе, надо полагать, составило довольно значительную сумму, но сколько — толком не знаю. Я еще за месяц до этого переехал в квартал Канда, где снял на улице Огавамати комнатку со столом, и рассчитывал, пока не определится будущее, некоторое время пожить